
Глава 1

До посадки на самолет, следующий прямым рейсом до Женевы, оставалось не более двадцати минут, но Сергей давно уже мысленно был там, в салоне, на высоте в несколько тысяч метров над землей. Этой поездки он ждал уже полгода, и сейчас, когда ожидание свелось к каким-то жалким минутам, Сергеем овладело самое настоящее нетерпение. Он вожаделенно поглядывал в сторону терминала, где уже столпилось несколько особо бойких его товарищей, и вполуха слушал последние наставления отца.

Мать и Валя особо не вмешивались, стоя в стороне и ожидая того момента, когда можно будет чмокнуть на прощание в щеку впервые отправлявшегося в столь далекое путешествие Сергея. А вот отец... Он был похож на захлебывающийся лавой вулкан. Сергея это даже немного веселило.

— ...Как только доберешься, сразу позвони. — Елизаров-старший тяжело опустил руку на плечо сына и слегка склонился к нему, проникновенно заглядывая в голубые и не по-детски серьезные глаза с большими пушистыми ресницами. — Не из автобуса, не уж тем более из гостиницы, а сразу из аэропорта. Чтобы мы не волновались. И следи за вещами, Сережа... Ты знаешь, сколько было случаев...

— Знаю, папа, знаю, — Сергей улыбнулся. — Ты уже раз пять мне рассказывал. Я все отлично запомнил и буду предельно внимателен.

— И еще, как я говорил, не складывай все деньги в одно место, — не унимался отец. — Часть положи в карман, часть разложи по сумкам, часть в сменную одежду... От ребят не отставай. Если возникнут какие-то проблемы или просто вопросы — звони немедленно. Либо я, либо мама обязательно будем на связи. В этом нет ничего постыдного, Сергей...

Мальчик вновь покосился в сторону терминала. Кое-кто из ребят улыбался, и Сергею почему-то показалось, что эта улыбка адресована ему. Как глупо он, наверное, выглядит, стоя рядом с взъерошенным отцом, который и сам не замечает, что его очки косо съехали с переносицы, а в уголках губ появились капельки белой пены. Так было всегда, когда отец чересчур волновался. Но сейчас-то с чего такие безумства? Ведь Сергею уже не семь и не восемь, как было тогда, когда отец впервые отправлял его куда-то без должного родительского присмотра. Тогда такое волнение еще можно было понять. Но сейчас... Сергею уже было тринадцать, и он небезосновательно считал себя взрослым, почти состоявшимся человеком. Он и сам способен все держать под контролем, как отец.

Марина Сергеевна и Валентина подошли ближе.

— Пора.

Елизаров-старший потрепал сына по плечу.

— Ну, счастливого пути, — и отошел в сторону.

Марина Сергеевна склонилась и поцеловала сына. Сергей хоть и смущенно, но все же ответил ей тем же. Валентина только улыбнулась.

— Оттянись на полную, братишка, — посоветова-

ла она. — Кто знает, когда в следующий раз тебе представится такая возможность. Может, и никогда. Так что лови момент...

— Валя! — одернула ее Марина Сергеевна.

Но Сергею уже было не до них. Ловко подняв с пола спортивную сумку, он забросил ее на плечо, затем взял чемодан и, чуть сгибаясь под тяжестью ноши, направился к турникетам. Елизаров смотрел ему вслед. Он всегда чувствовал себя неуютно, когда ему приходилось расставаться с кем-то из членов его семьи. Он чувствовал себя каким-то беспомощным, словно должен был чем-то помочь близким, но не мог. На душе было беспокойно, но Владислав Всеволодович усилием воли отогнал от себя дурные мысли.

Сергей обернулся всего один раз и взмахнул на прощание рукой. Отец ответил ему тем же. Затем поправил-таки очки на переносице и провел ладонью по густым взъерошенным волосам.

— Успокойся, — Марина Сергеевна уже была рядом и легонько сжала кисть мужа в знак ободрения. — Тебе не кажется, что ты становишься все более и более мнительным?

— Он еще ребенок, Марина...

— Ну какой же он ребенок? Ты вспомни себя в его возрасте. Сам же рассказывал, каким сорвиголовой ты был...

— Сейчас другие времена, — не согласился с ней Елизаров.

— Брось! Времена всегда одинаковые. Отношение к ним разное.

Сергей скрылся из виду, но Елизаров все еще продолжал упорно смотреть в сторону турникетов, мимо которых плотной цепочкой тянулись другие ребята.

Кто-то был младше его сына, кто-то чуть старше, но в основной своей массе — ровесники. Рука машинально потянулась к карману, где должны были лежать сигареты, но Елизаров остановил себя. В последнее время он твердо решил свести эту пагубную привычку до минимума.

— Пойдемте? — Валентина встала между родителями.

Елизаров повернул голову. Дочери было уже девятнадцать, но и к ней он, как и к Сергею, по-прежнему относился как к ребенку. Высокая, стройная, полностью оформившаяся, с карими глазами, доставшимися ей от матери, и правильными чертами отца, Валентина выглядела не хуже, чем все эти многочисленные «мисс» на обложках новомодных журналов. Елизаров ласково погладил ее по руке.

— Да, пойдемте, — согласился он.

Все трое направились к выходу из здания аэропорта, но у стеклянных дверей, снабженных фотоэлементом, Владислав Всеволодович еще раз оглянулся на турникеты. Он и самому себе не смог бы объяснить, зачем... почему...

Пошел легкий морозящий дождик, и Елизаров мысленно отметил, что для отправляющихся в дорогу это хорошая примета.

* * *

— Держи голову ровнее, мать твою! — кипятился Тимур, по возможности стараясь встать Андрею за спину.

Придерживаемый с двух сторон товарищами, тот стоял у самой обочины дороги и, сложившись пополам, блевал себе под ноги. Егор не участвовал в про-

цессе. Он стоял возле машины, облокотившись на переднюю раскрытую дверцу, курил и молча наблюдал за происходящим. Солнце уже опустилось за горизонт, и в быстро сгустившихся сумерках он угадывал лишь размытые силуэты приятелей.

— Что за дрянь такую вы мне дали? — с трудом спросил Андрей, принимая вертикальное положение и вытирая губы тыльной стороной ладони.

Он едва стоял на ногах, и Паше все равно приходилось поддерживать его за локоть. Тимур отошел в сторону, достал из кармана зажигалку и осветил колеблющимся огоньком себе на брюки. Критически осмотрел их со всех сторон.

— Кретин ты, Андрюха, — высказался он, кривя губы. — Как был кретином, так им и остался.

— Не в кретинизме дело, — не согласился с ним Павел. — Кайфовать тоже с умом надо, а не валить все в одну кучу. Это только со шмарами прокатывает. И то не всегда...

— А чего я валил? — Андрей выдернул руку у Павла, тут же потерял равновесие и обессиленно опустился на траву. — Все, как всегда. Но вино было паршивое. Суррогат... Я сразу так и сказал.

— Нормальное вино. Все пили, а ему паршивое... — Тимур сплюнул себе под ноги.

Убрав зажигалку обратно в карман, он вернулся к машине. Открыл заднюю дверцу, нырнул в салон, а уже через секунду появился вновь с зажатой в руках початой бутылкой. От души приложился к горлышку, сделал затяжной глоток, после чего шумно выпустил воздух из легких.

— Видал?

Андрей не повернулся в его сторону. По большому

счета, на действия Тимура вообще никто никак не отреагировал. Егор сверился со своими наручными часами и щелчком большого пальца отшвырнул окурки в сторону.

— Мы едем дальше? Или так и будем любоваться тут содержимым Андрюхиного желудка?

— Сейчас, — объект всеобщего внимания энергично потряс головой. Его длинные огненно-рыжие волосы разметались по плечам. — Дай хоть отдышаться немного.

Павел присел рядом на корточки.

— Запомни, братан. Траву с алкоголем мешать реально. Но толкать в себя еще и ЛСД — чревато вот такими последствиями. Рубишь фишку?

— А траву и ЛСД? — даже в сумерках можно было разглядеть, каким бледным было лицо Андрея.

— Я же мешал, — Паша ударил себя в грудь. — И, как видишь, все в порядке. Более того, я бодр и весел.

— Организм закалять надо, — резюмировал Тимур.

— Поехали, а? — Егор обошел машину и расположился на переднем пассажирском сиденье, которое до случившегося с ним конфуза занимал Андрей. — Время — деньги, пацаны. Скоро светать начнет, а мы так еще и не порезвились по-настоящему. Или все отменяется?

Андрей снова вытер рот ладонью и поднялся. Павел протянул ему руку, но приятель оттолкнул ее. Пошатываясь, как ступающий по палубе моряк, Андрей пошел к машине и кулем упал на заднее сиденье. Тимур разместился рядом. Паша занял место за рулем.

«Десятка» призывно заурчала и легко тронулась с места.

— Куда? — Павел нагнулся и утопил в панели кнопку прикуривателя. Сигарета уже торчала у него во рту.

— Возвращаемся в город, — предложил Егор. — Лично я за то, чтобы рвануть сегодня в какой-нибудь ночной клуб...

— Принимается, — поддержал его с заднего сиденья Тимур. — Давненько мы уже пьяных шлюх не пялили.

— Пялить пьяных шлюх — слишком дешево, — покачал головой Егор. — И скучно. Предлагаю бомбануть кого-нибудь.

— Звучит заманчиво. — Паша прикурил сигарету и выставил локоть в раскрытое окно. Свет приборной панели отразился в его глазах, и повернувший голову Егор только сейчас заметил, насколько сильно остекленели глаза его приятеля. И как он только умудряется водить машину в таком состоянии? — У меня уже всю неделю кулаки чешутся. Сгодится любая харя...

— Нас-то хоть пощадишь? — Тимур засмеялся.

Андрей не принимал участия в общем веселье. Откинувшись на спинку сиденья и прикрыв глаза, он старательно прислушивался к тому, что происходило у него внутри. Ехать в ночной клуб или куда-либо еще ему совсем не улыбалось. Сегодня ночью он с куда большим удовольствием растянулся бы дома на диване. Но показывать слабинку перед товарищами не хотелось.

— Ты как, Андрюх? — Егор повернулся к нему лицом. — Поддерживаешь?

— А то! Когда я киксовал? — слова давались ему с трудом.

Дальний свет встречных фар ослепил Павла, он машинально крутанул руль вправо и чертыхнулся. Старенькая «копейка» с седовласым пожилым мужчиной за рулем пронеслась мимо.

— Старый пень! — Павел так неожиданно ударил по тормозам, что Егор едва не впечатался головой в лобовое стекло. Тимур ухватился обеими руками за спинки впереди стоящих кресел. — Ну откуда столько козлов развелось на дорогах! Включи ближний и ежь себе!.. Баран!.. Нет! Таких учить надо. Согласны?

— Мы-то согласны, — хмыкнул Тимур. — Только из тебя учитель хреновый.

— Да? Сейчас посмотрим!

«Десятка» лихо развернулась прямо на проезжей части и, набирая скорость, устремилась в обратном направлении. Ветер со свистом врывается в раскрытые окна, но Павел все так же уверенно держал ногу на педали акселератора, вдавливая ее в пол.

«Копейку» нагнали минут за десять, хотя и у той была весьма приличная скорость.

— Пристегните ремни, братва! — скомандовал парень.

Вместо этого Егор только уперся в приборную панель руками и ногами. Голова Андрея оказалась рядом с головой Тимура. Все трое внимательно наблюдали за действиями Павла и ждали, чем закончатся его показательные выступления.

Передний бампер «десятки» со скрежетом врезался в зад «копейки». Затем Павел ударил по тормозам. Жертва полетела вперед, закрутилась волчком и оста-

новились, только повиснув одним задним колесом на обочине дороги.

— А теперь кулаки почешем.

С этими словами Павел первым выбрался из салона. За ним последовали Егор и Тимур. Последним на свежий воздух вылез Андрей, но, почувствовав, как к горлу подкатывает очередной приступ тошноты, к «копейке» за приятелями он не пошел, а остался стоять рядом с их автомобилем.

Павел резко дернул на себя водительскую дверцу, и к его ногам вывалился тот самый седой мужик с окровавленным лицом. Брякнувшись на асфальт, он так и остался лежать в этой позе без признаков жизни.

— Очучурился, что ли, Шумахер? — в голосе Тимура не было ничего, кроме презрения.

Павел поддел мужика носком ботинка под ребра, и тот перевернулся на спину. С губ его сорвался едва различимый на слух стон. Грудь медленно вздымалась и опускалась, но дыхание было редким и тяжелым.

— Живой. В отключке просто, — Павел еще раз ударил жертву ногой. — Эх, козел! Такое шоу испортил! Тряпка!

— Да это не он козел, а ты, — понимая, что ничего интересного он тут больше не увидит, Егор развернулся и медленно пошел обратно к «десятке». — Правильно сказал Тимур. Хреновый из тебя учитель. Он ведь даже и не понял, за что его наказали.

— Ну и черт с ним! — Павел махнул рукой. — Потом поймет. В следующий раз...

— Если живой останется, — внес коррективы в его рассуждения Тимур. — Может, «Скорую» вызвать? Ну, типа, по-человечески.

— Обойдется! — Павел уже двинулся вслед за Его-

ром, но, заметив замешательство Тимура, остановился и обернулся через плечо: — Чего ты там завис?

— Так оставлять нельзя.

— В смысле?

— Машина, — Тимур кивком головы указал на покореженную «копейку». — Я слышал, есть какая-то экспертиза, где по стукнутой тачке можно вычислить ту, которая ее стукнула. Надо от его колымаги избавиться...

— Спалить предлагаешь? — глаза Павла азартно заблестели.

— Да ты с ума сошел? — для пушей убедительности Тимур покрутил пальцем у виска. — На кой черт нам такой геморрой? Ментов привлекать фейерверком? Отгоним ее подальше, и в воду. Езжай, Паш, а я за вами.

И уже без лишних колебаний Тимур забрался в салон «копейки». Павел только пожал плечами.

— Сможешь меня обставить? — предложил он.

— Тебя-то? С закрытыми глазами!

— Замазали!

И он бегом устремился к «десятке». Егор и Андрей уже ждали его в салоне.

* * *

Легкий морозящий дождик вскоре перешел в серьезный затяжной ливень. Тучи сгустились, и небо стало похоже на низкий свинцовый купол.

— Счастливого вам полета. — Лерайский снял с головы наушники, откинулся на спинку кресла и лениво перевел взгляд за окно. — Да, не самая удачная погодка. Смотри, как зарядил, Дэн!

— И, как назло, в нашу смену, — недовольно и да-

же с некоторой долей агрессии откликнулся второй диспетчер, опускаясь на соседнее место и ставя перед собой чашку дымящегося чая. — Почему такое невежество, Влад? Я уже раз третий или четвертый подряд дежурю в дождь...

— И что? — Лерайский нагнулся вперед, щелкнул одним из тумблеров на пульте, и картинка на экране монитора слегка увеличилась. — Я тоже не раз дежурил в такую погоду. Обычное дело. У нас-то какие проблемы? Принимай сообщения, координируй... Если что — докладывай выше. Это вон пусть пилоты парятся. У них ответственность.

Красная точка на экране, обозначавшая только что ушедший со взлетной полосы лайнер Москва — Женева, медленно и поступательно двигалась вверх, то вспыхивая чуть ярче, то превращаясь в едва заметное блеклое пятнышко. Помимо него на экране перед Лерайским находились еще три аналогичные точки, но все они располагались на периферии экрана.

— Там почти одни дети...

— Что? — Кулемин уже успел выключиться из разговора.

Вместе с чашкой чая он придвинул к себе газету и сосредоточил все свое внимание на расположенном в левом нижнем углу наполовину разгаданном кроссворде.

— Какие дети?

— Вылетели этим рейсом, — короткий толстый палец Лерайского с обгрызенным ногтем ткнулся в пульсирующую точку. — Медалисты, награжденные путевкой в Швейцарию. Целый месяц будут развлекаться в Женеве на зависть тем, кто учился хуже.

Кулемин усмехнулся:

— Да брось ты, Влад! Тебе тридцать с лишним лет,

а ты все в сказки веришь. Какие там медалисты? Наверняка полетели те дети, чьи родители больше денег заплатили. У нас всегда так, — он сделал обжигающий глоток чая, а затем простуженно шмыгнул носом. — Вон у меня малец пятый класс окончил без единой четверки, и никто его ничем не премировал...

— Так это пятый. Он же не медалист у тебя. Вот когда будет...

— Тогда и посмотрим, — философски заключил Кулемин, но в его голосе по-прежнему были заметны агрессивные нотки. — Продолжим? — он постучал кончиком карандаша по кроссворду.

— Давай, — охотно согласился Лерайский.

На самом деле Владислав только старался выглядеть беспечным. С самого утра его одновременно подтачивали аж два червя. Первый зародился после последнего разговора с бывшей супругой и ее нынешним сожителем. Уладить вопрос с квартирой полюбовно, как всегда, не получилось. Все закончилось скандалом. Благо дело, что еще Виталий, новый Ларишкин муж, человек не особо конфликтный и не такой вспыльчивый, как сам Владислав. Вторым червь закладывался в непреодолимом желании выпить. Лерайский и сам понимал, что стал все чаще и чаще закладывать лишнего за воротник, но поделаться с собой ничего не мог. Он не прикасался к алкоголю уже двое суток, и теперь душу словно невидимыми тисками выворачивало наизнанку. Лерайский поклялся самому себе, что после окончания сегодняшней смены он обязательно зайдет в какой-нибудь бар и пропустит стопку-другую. А может, не дожидаться конца смены? Кто заметит? Дэн? Вряд ли. Этот эгоист целиком и полностью сосредоточен исключительно на самом се-

бе... Одну стопочку. Ничего не изменится, а его самого отпустит наверняка. Эти чертовы проблемы сами собой уйдут на второй план. Перестанут так волновать его.

— Кому принадлежит фраза: «Понять — значит простить»? — прочел очередной вопрос из кроссворда Кулемин и по привычке сунул в рот карандаш. — Ты как с философией, Влад? На «ты»?

Лерайский не сразу понял, о чем толкует его напарник. Облизав пересохшие губы, он повернулся к Кулемину и свел брови над переносицей.

— Я не думаю, что это имеет какое-то отношение к философии, — изрек он. — Скорее всего, фраза принадлежит кому-то из классиков. Я читал...

— Ну и?..

— А буквы есть?

— Целых семь. — Кулемин перевел взгляд за окно, где продолжал хлестать ливень, зябко поежился и потянулся за чашкой чая. Сделал шумный глоток. — Третья «к», шестая «и». Если отгадаем, будем знать первую букву в «место на Волге, где снималась одна из ключевых сцен «Жестокое романса».

— А что это за вопрос? — лениво откликнулся Лерайский.

Он вновь щелкнул тумблером на пульте, и изображение на экране сменилось. Теперь красная пульсирующая точка пассажирского лайнера находилась точно по центру монитора. Еще каких-то полтора часа, и самолет вырвется из зоны их координирования. Дальше в дело вступят диспетчеры соседних регионов, а им с Дэном предстоит три часа относительного затишья до того, как радары зафиксируют приближение чар-

терного рейса из Владивостока. Если, конечно, проклятая погода ничего не изменит.

— Я тебе его только что озвучил, — раздраженно бросил Кулемин. — Не спи на посту, Влад. С тобой все в порядке?

— Я-то как раз не сплю, — Лерайский потер рукой шею. Желание выпить нарастало с каждой секундой. — Я слежу за мониторами, а вот ты...

— А чего за ними следить? Чисто же все. Так ты знаешь имя классика или кого там, кто сказал...

— Достал ты меня со своим классиком! Что там за второй вопрос, Дэн?

Кулемин тяжело вздохнул и склонился над кроссвордом.

— Место на Волге, где снималась одна из ключевых сцен «Жестокого романа», — еще раз прочел он.

— Буквы?

— Никаких. То есть всего их четыре, но...

— Плес, — выдал ответ Лерайский.

— Че это такое?

— Это место такое, неуч.

— А ты откуда знаешь?

— Путешествовал по Золотому кольцу. С женой. Года четыре назад. — И без того блеклые и невыразительные глаза Лерайского подернулись дымкой грусти. Желание выпить стало совсем непреодолимым. Он сглотнул. — Там была экскурсия на Плесе, и нам рассказывали... Я запомнил.

— Ну, молоток! — похвалил напарника Кулемин. Изменений в лице Владислава он даже не заметил. Карандашом он быстро занес в сетку четыре буквы и прищурился. — Так... И что у нас теперь получается?

В фамилии автора изречения появилась еще одна буква. Пятая. «П»...

Кулемин почесал в затылке, пытаясь сосредоточиться. Лерайский напряженно смотрел на экран монитора. По его мнению, лайнер Москва — Женева двигался как-то уж слишком медленно. Словно ползущая по стволу дерева улитка. Лерайский скрежетнул зубами. Всего одну стопочку... Одну, но как она сейчас нужна.

— Слушай, а это не Шекспир ли часом? — высказал предположение Кулемин, прищелкивая языком от неожиданно пронзившей его догадки. — Это не он сказал? Влад?

— Да, он, — рассеянно ответил Лерайский. — Слушай, Дэн, последи-ка пару минут за монитором. Мне в толчок надо. Прихватило что-то...

Кулемин оторвал глаза от кроссворда.

— Чего ты жрал сегодня?

— Не помню. Так ты посмотришь?

— Без проблем.

Поднимаясь с кресла, Лерайский вдруг заметил, как сильно у него дрожат руки. Он поспешил сунуть их в карманы брюк и быстрым шагом направился к выходу из дежурки. Мысленно он уже представил себе предстоящий маршрут. Спуститься вниз, пересечь зал ожиданий и нырнуть в кафетерий. Зина уже отлично его знала. Лишних вопросов не последует, да и трепаться она не будет. Он примет сто грамм и тут же вернется обратно. Совсем другим человеком...

Хлопнула дверь, Кулемин бросил на монитор лишь беглый взгляд, убедился, что все в порядке, и вновь вернулся к кроссворду. Свободной от карандаша рукой он подхватил со столика чашку чая и приблизил

ее к губам. Отпил. Следующий вопрос, который привлек его внимание, звучал так: «Синоним слова «Правосудие». Кулемин провел карандашом по клеткам и насчитал их аж тринадцать штук. Призадумался. Барабанивший по стеклам дежурки дождь не давал возможности сосредоточиться. Высокий лоб Дениса Кулемина прорезала длинная продольная морщина. Правосудие... Правосудие...

На пульте заморгала красная лампочка вызова, но Кулемин не сразу обратил на нее внимание. Вновь почесал карандашом в затылке и вскинул глаза к потолку. Характерный писк сигнала тревоги привлек его внимание. Денис даже подпрыгнул в кресле и с испугом уставился на пульт. Лампочка вызова мигала как сумасшедшая.

— Какого черта?..

Кулемин потянулся к лежащим рядом с креслом Лерайского наушникам, локтем задел чашку, и содержимое выплеснулось на пульт. Кулемин витиевато выругался. Наушники упали на пол. Лампочка продолжала мигать в унисон тревожному попискиванию.

— Ну, началось! Кому так неймется?

Кулемин нагнулся, поднял с пола наушники и одной рукой нацепил их на голову.

— Диспетчер слушает...

— Вы что там, уснули, что ли, мудаки?! — раздался резкий гортанный голос.

— А кто это говорит? — Кулемин буквально задохнулся от накатившей на него волны гнева.

— Диспетчерская база военно-воздушных сил, — представился невидимый собеседник, и интонации его голоса не стали при этом мягче или доброжелательнее. — Полковник Рокотов. Мы потеряли связь с

самолетом. По нашим расчетам, он должен двигаться в вашем направлении. У вас что, радар не работает?

— Работает...

Кулемин только сейчас поднял глаза на расположенный перед ним экран и остолбенел. Лицо его ментально залилось мертвенной бледностью. Глаза невольно полезли из орбит. Пульсирующая точка стартовавшего полчаса назад лайнера двигалась в заданном направлении, а навстречу ей шла еще одна, которой прежде не было, да и быть тут не должно. Она тоже пульсировала, но в отличие от лайнера не красным, а ярко-зеленым цветом. И скорость у этой точки была гораздо выше. С каждой секундой зеленая точка подходила все ближе и ближе к красной. Кулемин почувствовал, как на лбу у него выступают крупные капли холодного пота, но, как ни старался, заставить себя пошевелиться он не мог. Он даже не сразу понял, что его невидимый оппонент продолжает орать в наушник и большая часть его слов — нецензурная брань.

— Ты там пьяный, что ли, сука?! Я кого спрашиваю?!

— Да... Я... Я вижу самолет... — Кулемин не узнал собственного голоса.

В ответ прозвучал отборный поток брани, и лишь после этого военный диспетчер выпалил:

— Да что мне толку от того, что ты его видишь, раздолбай ты эдакий? Ты слышал, что я тебе сказал? Это военный самолет. Он сбился с курса, и мы утратили с ним связь. Вы можете связаться с ним?

— Я не... Я не знаю. Попробуем... Но он... Он идет лоб в лоб с пассажирским лайнером... В одном коридоре. Установление связи займет время, а скорость вашего самолета настолько высока, что...

— Я знаю, какая у него скорость, — гнев собеседника смешался с волнением. — Но ты же диспетчер, мудила! Или нет? Свяжись сначала со своим лайнером и скажи, чтобы он немедленно сместился в соседний коридор. Убери его, мать твою! Потом установи связь с военным самолетом и посади его.

— Я не успею...

Кулемин наконец вышел из ступора. Подавшись вперед, он первым делом увеличил картинку на экране и, используя мониторную сетку, прикинул расстояние от пассажирского лайнера до военного самолета. Результаты его не сильно порадовали. Он потянулся к пульту управления. Капли пролитого чая скатились с панели и упали ему на брюки.

— Ты что там, один?! — гаркнул голос в наушниках.

— Нет, мы... То есть сейчас я один. Да.

— Вызови лайнер...

— Да отвяжись ты! — Кулемин переключил сначала один тумблер на пульте, затем другой, и голос в наушнике исчез. Вместо него появился оглушающий треск. Денис понизил микшер и поспешно скороговоркой заговорил: — Борт семьсот сорок три! Борт семьсот сорок три! Вас вызывает аэропорт. Повторяю. Борт семьсот сорок три!..

— В чем дело?

Чья-то рука легла Кулемину на плечо, и он подпрыгнул в кресле от неожиданности. Резко повернул голову. Это был Лерайский. Он не смотрел на напарника. Его взгляд был устремлен на экран монитора с увеличенным изображением.

— Что это за хрень, Дэн?!

— Военный самолет! — Кулемин повел носом и поморщился. — Черт! Ты бухать ходил, что ли?

— Какое это сейчас имеет значение? — Чувство свободы от накопившихся проблем, еще секунду назад поселившееся в душе Лерайского, улетучилось как по мановению волшебной палочки. Он тяжело плюхнулся в соседнее кресло и машинально скинул пиджак. — Откуда взялся военный самолет?

— Черти занесли, — огрызнулся Кулемин и снова предпринял попытку установить связь с пассажирским лайнером. — Борт семьсот сорок три! Борт семьсот сорок три!.. Почему нет связи, Влад? Одни шумы...

Лерайский защелкал тумблерами на пульте, то и дело бросая тревожные взгляды на экран монитора.

— Откуда эта моча? — он нервно потер пальцы. — Ты ссал на пульт, что ли?

— Я пролил чай...

— Придурок!

— Случайно. Когда зазвучала тревога...

— Дай мне наушники! — Лерайский почти сорвал их с головы напарника и нацепил себе на макушку. — Увеличь изображение... Аэропорт вызывает борт семьсот сорок три! Отзовитесь!..

Ответом ему послужил точно такой же треск, какой слышал Кулемин. Изображение на экране увеличилось, и у Лерайского буквально отпала челюсть. Расстояние между лайнером и стремительно несущимся в его направлении военным самолетом было уже критическим. Даже если им удастся связаться хотя бы с одним из экипажей прямо сейчас, избежать столкновения будет крайне трудно.

— Борт семьсот сорок три!..

Лерайский сбросил наушники на плечи и в отчая-

нии стукнул кулаком по пульту управления. Вспыхнула еще одна лампочка, а писк перешел в непрекращающийся протяжный вой. Кулемин схватился руками за голову и запустил пальцы в густую шевелюру. Он чувствовал, как к горлу подкатывает предательский комок. Пот катился по его лицу, застилая глаза.

— Дети-медалисты... — сорвалось с уст Лерайского.

— Что? — Кулемин не повернулся в его сторону.

Оба как замороженные смотрели на экран монитора. Зеленая точка вплотную приблизилась к красной, затем они слились в единое целое, последовала небольшая вспышка, и обе точки исчезли. Последняя капля чая сорвалась с края пульта и, ударившись о ботинок Кулемина, с брызгами разлетелась в стороны. Лерайский шумно выдохнул.

— Они ведь не... погибли? — Кулемин и сам не понимал, зачем он задал этот вопрос. — Да, Влад?

— Погибли. Все... Мы погибли, Дэн... Мне надо выпить. Тебе принести?

Лерайский поднялся на ноги. Голова шла кругом, и, чтобы не потерять равновесие, он ухватился за плечо сидящего в кресле напарника. Кулемин не отрывал взгляда от монитора.

* * *

Приглушенная музыка, источник которой Егору так и не удалось установить, сколько он ни крутил головой, не только не мешала их разговору, но, напротив, по мнению молодого человека, только способствовала ему. Валентина была сегодня неподражаема. Разгоняя рукой сигаретный дым, Егор не мог оторвать глаз от ее лица, от обнаженных из-за большого де-

кольте плеч, от высокой вздымающейся в такт дыханию груди. Егор прекрасно видел, какие вожделенные взгляды бросают другие мужчины на его спутницу. А когда Валентина улыбалась... Ее губы не просто манили, они завораживали.

— А здесь уютно, — она откинула волосы со лба, взяла в руки высокий бокал с грейпфрутовым соком и сделала небольшой глоток. — Ты, наверное, тут часто бываешь? А, Егор?

Это было откровенной провокацией. Он склонился вперед и загасил сигарету в пепельнице. Затем накрыл ее руку своей.

— Зачем ты так говоришь, котенок? Ты же прекрасно знаешь, что я нигде никогда не бываю без тебя. Все то время, которое мы проводим порознь, я посвящаю мыслям о тебе.

— Болтун...

Однако по ее глазам Егор отлично видел, насколько на девушку подействовал этот нехитрый ход. Валентине было приятно. Официантка остановилась возле их столика, и молодому человеку вынужденно пришлось отпустить руку девушки. На столе появились заказанные блюда. Валентина тут же придвинула к себе салат и потянулась за вилок. Егор взял рюмку с коньяком.

— За тебя! — предложил он незатейливый тост, когда официантка оставила их.

Валентина чокнулась грейпфрутовым соком, и они оба выпили. После этого она уже без излишних проволочек приступила к трапезе. Егор не торопился. Его мысли были направлены совсем в иное русло.

— Как дела у тебя в институте? — задал он вполне

нейтральный вопрос. — Что нового произошло за последнюю неделю?

— Да ничего особенного, — Валентина поморщилась. — Не считая того, что Коломенчук опять клеился ко мне.

— Как? — Егор заметно напрягся.

О профессоре с кафедры философии и культурологии, читающем на потоке у Валентины лекции, он уже был немало наслышан еще с прошлого года. И о том, как этот старый пень беззастенчиво подбивал клинья к его девушке. Впрочем, если верить словам Валентины, Коломенчук подбивал клинья не только к ней, а ко всем подряд, но взаимоотношения профессора с другими студентками Егора волновали мало.

— Схватил меня после лекции за руку и долго слюняво рассказывал о том, как потрясающе я выгляжу. Он, дескать, большой ценитель женской красоты, и эта его сущность не позволила ему остаться равнодушным...

Валентина рассказывала о происшедшем со смехом, но Егор даже не улыбался. Он явственно представил себе всю эту картину, и ничего, кроме чувства негодования, она в нем не вызвала. Мысленно Егор пообещал себе непременно поквитаться с профессором Коломенчуком при случае. Для него и его друзей это будет лишним развлечением, а заодно принесет и некоторую пользу. В следующий раз профессор хорошенько подумает, прежде чем распускать руки и слюни.

— Ну а ты что?

— А что я? — Валентина пожала плечами. — Постояла, послушала, головой для приличия покивала, вроде как сочувствую ему, и ушла. Не могла же я по-

слать его куда подальше. Он все-таки мой преподаватель.

— Посылать не обязательно. — Егор с интересом наблюдал за тем, как ловко и в то же время изящно его девушка орудует вилкой. Без сомнений, в ней были дворянские корни. — Но и слушать всю эту ахинею, а уж тем более позволять ему держать тебя за руку — тоже не следовало. Ты просто не умеешь общаться с такими типами, Валюша. И знаешь почему?

— Догадываюсь. Не начинай, Егор...

К этой теме они возвращались при каждой их встрече, но еще ни разу Егор так и не сумел изменить ситуацию так, как ему это было нужно. Он и Валентина встречались уже почти полгода, но при этом между ними так и не было физической близости. Девушка колебалась, но каждый раз неизменно находила предлог, благодаря которому вопрос снимался с повестки и откладывался на неопределенный срок. Девственность продолжала свято храниться. Егор мирился с ситуацией, но с каждым днем это становилось все труднее. Для него секс не был чем-то необычным.

— Почему не начинать? — молодой человек, воспользовавшись моментом, ринулся в очередную атаку на неприступный бастион. — Поверь, проблема только в этом. Ты сама убедишься в этом, когда... Все твоё мировоззрение изменится.

Она опустила глаза, и Егор заметил, как девичье лицо залилось пунцовой краской. Рука с вилкой повисла в воздухе. Он не дал ей времени на контраргументы. Решил дожать. Сейчас. Немедленно.

— Валя... — Егор подался вперед, и его взгляд, наполненный теплотой и лаской, буквально проник в глаза сидящей напротив девушки. — Валечка. Я люб-

лю тебя и, как мне кажется, уже не раз доказал тебе глубину и искренность своих чувств. Мы вместе и... будем вместе всегда. Не понимаю, что тебя удерживает. Что тебя останавливает. Неужели для того, чтобы ты поверила в мои чистые намерения, я должен сначала попросить руки у твоих родителей? Если так, то я готов...

— Дело не в этом, Егор...

— А в чем? — Он опять взял ее за руку и нежно провел пальцами по тыльной стороне ладони. Валентина ответила ему. — Только в твоём страхе? В нерешительности? Так это не проблема, котенок. Поедем ко мне? Прямо сейчас?

Валентина покачала головой, и Егор выпустил ее руку. В его глазах появилось недовольство, но он поспешно отвел взгляд, чтобы девушка ничего не смогла заметить.

— Я люблю тебя, Егор, — убежденно заговорила она после недолгой паузы. — И я доверяю тебе. Просто... Просто я не готова. Все еще не готова. Понимаешь? А сегодня... Сегодня тем более не получится. Я обещала родителям вернуться домой до полуночи...

— Они тебя все еще контролируют?

— Нет. Сегодня у них особенный день... Вернее, ночь. Сережка улетел в Женеву, и они волнуются. Ну, знаешь, как это бывает?.. Родители... Я обязана их поддержать. Хотя бы до того момента, как он прилетит на место и отзвонится, что у него все в порядке.

— Я понимаю, — лицо Егора озарилось надеждой. — Тогда завтра?

Немалое значение в этой ситуации имело и мнение друзей. Они уже были много наслышаны о его отношениях с Валентиной, и Егор, стиснув зубы, терпел

с их стороны постоянные насмешки. Ни один парень не возился с девушкой так долго, подводя ее к постели. А если все так и закончится полным фиаско? Да тогда пацаны его вообще на смех поднимут, как чучело огородное.

Валентина ответила не сразу. Думала, колебалась. Вопрос был поставлен ребром, и на него нужно было что-то отвечать.

— Может быть, — негромко произнесла она.

— Почему «может быть»? Давай завтра, Валюша. Ты сама поймешь...

— Егор, не дави на меня.

— Хорошо. Не буду.

Он так и не притронулся к еде. Горячее остыло, а салат выглядел подсохшим. Но Егора это не волновало. Он вставил в рот сигарету и прикурил. Несколько минут молодые люди сидели в полном молчании.

— Потанцуем? — предложил он, гася сигарету.

Валентина охотно согласилась. Ту неловкость, которая повисла между ними, нужно было чем-то сгладить. И в этой неловкости, как ни крути, повинны были они оба. Поднявшись из-за столика, они вышли в центр зала, где в медленном танце кружились три пары. Егор обнял Валентину за талию и привлек к себе. Она опустила руки ему на плечи. Он с наслаждением вдыхал чарующий аромат ее волос, мысленно прикидывая, как будет раздевать ее, гладить ее обнаженное тело... И тогда конец насмешкам! Конец неопределенности! Егору не нравилось быть в разряде побежденных. Он был совсем из другой породы. Из породы победителей.

Одна медленная композиция сменилась другой, все три пары вернулись на свои места, а Егор с Вален-